

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

No. 20

St. Petersburg
2019

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 20

Санкт-Петербург
2019

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2019. № 20. 204 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: IHMC RAS, 2019. No. 20. 204 p.

Редакционная коллегия: В. А. Лапшин (гл. редактор), В. А. Алёкшин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), К. Нордквист, А. К. Очередной

Editorial board: V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), K. Nordqvist, A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских
Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 20 «Записок ИИМК РАН» публикуются научные исследования, представленные на российско-финляндском симпозиуме «Торговля, обмен и взаимовлияния в доисторическое время и средневековье/историческое время». В разделах «Новейшие открытия и разработки ИИМК РАН» и «Из истории науки» представлены статьи Н. Ф. Соловьёвой и А. В. Полякова, посвященные полевым открытиям на Ыылгыны-депе в Южном Туркменистане и анализу данных радиоуглеродного датирования фёдоровской культуры на Енисее, а также работа С. О. Ремизова, обобщающая информацию об изучении памятников каменного века Волгоградской обл.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейоведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 20th issue of the “Transactions of IHMC RAS” contains the Proceedings of the Russian-Finnish Symposium “Trade, Exchange and Contacts in Prehistory and in the Medieval/post-Medieval Times”. The sections “Newest discoveries and developments” and “From the history of science” present the papers by N. F. Solovyova and A. V. Polyakov devoted to field discoveries at Ilgynly-depe in South Turkmenistan and to the analysis of radiocarbon dates obtained for the Fyodorovo culture on the Yenisei river, respectively, as well as the work by S. O. Remizov who summarizes the information about the Stone Age sites of the Volgograd oblast.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Торговля, обмен и взаимовлияния в доисторическое время и средневековье/историческое время

<i>В. А. Лапшин.</i> Российско-финляндский симпозиум по вопросам археологии и истории (8–11 ноября 2017 г., Великий Новгород)	9
<i>К. Нордквист.</i> Контакты и археология неолита Северо-Восточной Европы	11
<i>P. Onkamo, K. Majander, S. Peltola, E. Salmela, K. Nordqvist.</i> Ancient human genes of North-Eastern Europe	25
<i>M. Lavento.</i> Early Metal Age bronze axes in Finland: an overview	35
<i>H.-L. Puolakka.</i> Cremation burials in inhumation cemeteries in Late Iron Age Finland and the Karelian Isthmus.....	53
<i>C. Carpelan.</i> “Fruit” knives in Saami households.....	64
<i>Е. С. Ткач.</i> Каменные сверленные топоры Северо-Запада России и Финляндии в контексте шнуровых культур Центральной и Восточной Европы	74
<i>А. И. Мурашкин, А. А. Малютина, А. М. Киселёва.</i> Костяной и роговой инвентарь неолита — раннего железного века Северной Фенноскандии: типология, технология, трасология.....	85
<i>Д. Н. Фёдорова.</i> Применение современных технологий для изучения петроглифов Русского Севера	104
<i>В. А. Лапшин.</i> Ладога до Ладоги.....	112
<i>Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская.</i> Хлебные печи Рюрикова городища.....	121
<i>E. V. Toropova, S. E. Toropov, K. G. Samoylov.</i> Staraya Russa and the southern coast of Lake Ilmen in the context of contacts with Northern Europe in the 10 th –12 th centuries AD	132
<i>М. И. Петров.</i> Новые данные о контактах с северо-западом Новгородской земли в XIV в. (по материалам раскопа Нутный-IV в Великом Новгороде)	142

Новейшие открытия и разработки ИИМК РАН

<i>Н. Ф. Соловьёва.</i> Обжигательные печи Йылгынлы-депе периода раннего энеолита	147
<i>А. В. Поляков.</i> Радиоуглеродные даты памятников андроновской (фёдоровской) культуры на Среднем Енисее	163

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

С. О. Ремизов. Исследования памятников палеолита и мезолита в бассейне Волги на территории Волгоградской области	174
Ю. А. Виноградов. В. А. Горончаровскому 65 лет!	192

ХРОНИКА

А. А. Бессуднов, К. В. Горлов, Е. С. Ткач. Конференция молодых ученых «Актуальная археология 4: комплексные исследования в археологии» (Санкт-Петербург, 2–5 апреля 2018 г.).....	195
---	-----

AD MEMORIA

С. А. Васильев. Памяти Галины Васильевны Григорьевой (1934–2019)	200
Список сокращений	202

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

Trade, exchange and contacts in prehistory and in the medieval/post-medieval times

V. A. Lapshin. Russian-Finnish Symposium on archaeology and history (8–11 November of 2017, Veliky Novgorod)	9
K. Nordqvist. Contacts and the Neolithic archaeology of Northeastern Europe.....	11
P. Onkamo, K. Majander, S. Peltola, E. Salmela, K. Nordqvist. Ancient human genes of North-Eastern Europe	25
M. Lavento. Early Metal Age bronze axes in Finland: an overview	35
H.-L. Puolakka. Cremation burials in inhumation cemeteries in Late Iron Age Finland and the Karelian Isthmus.....	53
C. Carpelan. “Fruit” knives in Saami households.....	64
E. S. Tkach. Stone perforated axes from Finland and Northwest Russia in the context of Corded Ware cultures of Central and Eastern Europe.....	74
A. I. Murashkin, A. A. Malyutina, A. M. Kiselyova. Stone and antler inventory of the Neolithic — Early Iron Age of Northern Fennoscandia: typology, technology, traceology	85
D. N. Fyodorova. Application of modern technologies to the study of petroglyphs of the Russian North	104
V. A. Lapshin. Ladoga before Ladoga	112
<u>E. N. Nosov</u> , N. V. Khvoshchinskaya. Bread ovens of Ryurik Gorodishche.....	121
E. V. Toropova, S. E. Toropov, K. G. Samoylov. Staraya Russa and the southern coast of Lake Ilmen in the context of contacts with Northern Europe in the 10 th –12 th centuries AD	132
M. I. Petrov. New evidence of contacts between Novgorod and the northwest of Novgorod Land in the XIV c. (based on the materials from the Nutny-IV excavation site in Veliky Novgorod)	142

Newest discoveries and developments by IHMC RAS

<i>N. F. Solovyova</i> . Early Eneolithic kilns of Ilgynly-depe.....	147
<i>A. V. Polyakov</i> . Radiocarbon dates from the Andronov (Fyodorovo) culture sites on the Middle Yenisei.....	163

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

<i>S. O. Remizov</i> . Paleolithic and Mesolithic studies in in the Volga basin on the territory of Volgograd oblast.....	174
<i>Yu. A. Vinogradov</i> . 65 th jubilee of V. A. Goroncharovsky	192

CHRONICLE

<i>A. N. Bessudnov, K. V. Gorlov, E. S. Tkach</i> . Conference of young scientists “Actual archaeology 4: complex studies in archaeology” (St. Petersburg, 2–5 April, 2018).....	195
--	-----

AD MEMORIA

<i>S. A. Vasiliev</i> . To the memory of Galina Vasilievna Grigorieva (1934–2019).....	200
List of abbreviations	202

КОНТАКТЫ И АРХЕОЛОГИЯ НЕОЛИТА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

К. НОРДКВИСТ¹

Ключевые слова: археология, хронология, контакты, Финляндия, Северо-Запад России, керамика, историография.

В статье рассматривается роль государственных границ и различий научных традиций в формировании археологических концепций и представлений о прошлом, в частности, при изучении неолита (5500–1800 гг. до н. э.) на территории Финляндии и российской Республики Карелия. На примере четырех конкретных исследований различных аспектов развития неолитических культур, а именно: появление керамики типов Сперрингс I и Сярайсниemi I (конец VI — начало V тыс. до н. э.), распространение типичной гребенчатоямочной керамики (начало IV тыс. до н. э.), культуры с асбестовой и пористой керамикой (середина IV тыс. до н. э.) и культуры шнуровой керамики (III тыс. до н. э.) (рис. 1) показано, как ограничения и стимулы, происходящие как извне, так и изнутри археологического сообщества, влияют на создаваемую картину доистории, особенно в отношении контактов и взаимодействий между разными территориями. В результате удалось прийти к заключению, что Северо-Восточная Европа представляет пример того, как влияние на науку современных факторов может привести к возникновению искусственных разграничений в реконструируемом прошлом. Устоявшиеся и полные стереотипы представления о сопредельных территориях не соответствуют имеющимся археологическим материалам (рис. 2; 3). Межрегиональные сопоставления показывают множество видов взаимодействия между разными территориями, которые нуждаются в изучении на основании исследования конкретных материалов.

DOI: 10.31600/2310-6557-2019-20-11-24

Введение: границы в археологии каменного века Северо-Восточной Европы

Государственные границы в прошлом воспринимались иначе, чем сегодня. Но и сейчас они оказывают влияние на существующие представления о доисторическом прошлом. На примере Северо-Восточной Европы хорошо видно, как из-за различия исследовательских целей, доступности материалов для изучения по разные стороны границы, а также сознательной или неосознанной проекции современных представлений на прошлое возникают искусственные разграничения при реконструкции доистории. Государственные границы XIX и XX вв. были, по сути, рубежами мировоззренческими и физически разделяли научные традиции и ученых.

¹ University of Helsinki, Archaeology, P. O. Box 59, Helsingin yliopisto, 00014, Finland.

В результате вплоть до настоящего времени археологические источники и материалы соседних территорий оставались малоизученными и практически неиспользуемыми специалистами смежных государств.

Влияние современных государственных границ на развитие археологических исследований и на полученные на их основе представления о доисторическом прошлом было проанализировано в моей диссертации (Nordqvist 2018). В ней также рассматривалось понятие «неолит» с точки зрения возможности и целесообразности его использования для исследуемых территорий (Финляндии и российской Республики Карелии) и была предпринята попытка проследить развитие неолитических культур вне традиционных культурно-исторических рамок и круга исключительно национальных источников. Эти вопросы рассматриваются на примере четырех конкретных исследований: появление керамики (керамические традиции Сперрингс 1 и Сярайсьниemi 1, конец VI — начало V тыс. до н. э.), традиция типичной гребенчато-ямочной керамики (начало IV тыс. до н. э.), традиции асбестовой и пористой керамики (середина IV тыс. до н. э.) и культура шнуровой керамики (III тыс. до н. э.) (рис. 1). Данная статья представляет краткий обзор для русскоязычной аудитории этих исследований, а также последующего обсуждения связей Востока и Запада в доистории Северо-Восточной Европы.

Четыре примера конкретных исследований по неолиту

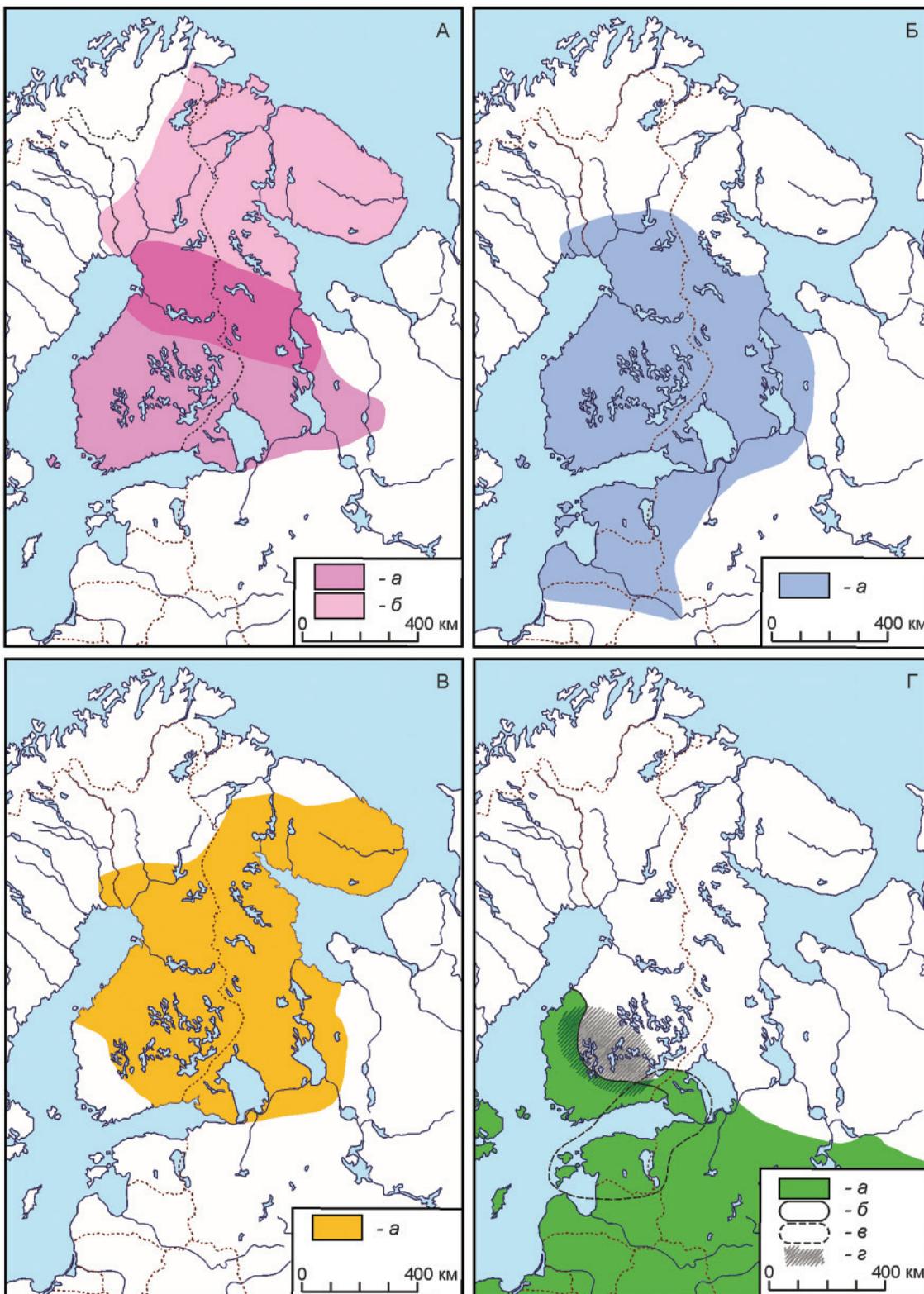
Керамические традиции Сперрингс 1 и Сярайсьниemi 1 (конец VI — начало V тыс. до н. э.)

Первоначально происхождение керамических традиций Северо-Восточной Европы связывалось с населением с производящей экономикой Восточной и Юго-Восточной Европы и, в конечном счете, с ранними керамическими традициями Ближнего Востока (Åugärää 1956: 33–36). После открытия и выделения верхневолжской археологической культуры/керамической традиции сложилось представление о распространении навыков изготовления керамики через Волго-Окский регион (Meinander 1984: 31; Núñez 1990: 31–33; Витенкова 1996: 76). В последнее время существующие концепции возникновения и распространения керамических традиций подверглись пересмотру в свете новых находок и результатов датирования ранней керамики из разных частей Африки и Евразии (Jordan et al. 2016).

В недавнем обзоре современных данных о появлении керамики на территориях к востоку от Балтийского моря Х. Пьецонка предположила, что истоки керамических традиций Северо-Востока Европы следует искать в материалах гребенчатой керамики Волго-Камского региона (Piezonka 2015). Согласно результатам

Рис. 1. Карты распространения: А — керамики типов Сперрингс 1 (а) и Сярайсьниemi 1 (б); Б — типичной гребенчато-ямочной керамики (а); В — так называемой средне- и поздне-неолитической асбестовой и пористой керамики (а); Г — шнуровой керамики (а — шнуровая керамика; б — финская группа; в — эстонская группа; г — средняя зона). Переработано по: Nordqvist 2018: Fig. 26, 32, 33, 36

Fig. 1. Distributions of: A — Sperrings 1 (a) and Säräisniemi 1 (b) Wares; Б — Typical Comb Ware (a); В — the so-called Middle and Late Neolithic asbestos- and organic-tempered wares (a); Г — Corded Ware (a — Corded Ware; б — Finnish group; в — Estonian group; г — middle zone). Modified from Nordqvist 2018: Fig. 26, 32, 33, 36

проведенного ею исследования, керамика типа Сперрингс 1 (известная также как ранняя гребенчатая керамика) и керамика типа Сярайсьниemi 1 восходят к верхневолжской традиции, но развивались на разных территориях и распространялись различными путями. Это подтверждает высказывавшееся ранее мнение о том, что керамика типа Сярайсьниemi 1 представляет самостоятельную традицию, а не поздний вариант керамики типа Сперрингс 1, о чем свидетельствуют и радиоуглеродные датировки: керамика появляется на рассматриваемой территории около 5300–5200 гг. до н. э. и за несколько столетий распространяется на большей части Финляндии и Карелии (рис. 1А). Там, где представлены материалы и Сярайсьниemi 1, и Сперрингс 1, первые могут датироваться на столетия раньше вторых (Piezonka 2015: 199; Nordqvist, Mökkönen 2016: 204–205).

Освоение навыков изготовления керамики представляют поворотной точкой доисторического прошлого, но распространение их на рассматриваемой территории не выглядит как революционное событие. Обычно все указывает на освоение керамики носителями местной культурной традиции — об этом, к примеру, свидетельствует непрерывность в технологии изготовления каменных орудий (Núñez 1990: 41; Витенкова 1996: 78). Однако само появление технологии изготовления керамики рассматривается как заимствование извне, обычно привносимое женщинами, обладавшими умением изготавливать посуду из глины и попадавшими в состав местных коллективов благодаря системе экзогамных связей (Брюсов 1952: 49–50, 67; Núñez 1990: 35). Причины освоения навыков изготовления керамики представлялись исключительно функциональными: глиняная посуда позволяла обеспечить возрастающие объемы использования и обработки водных ресурсов — рыбы и тюленей (Núñez 1990: 38; Ошибкина 1996: 6). Но хотя анализ органических остатков на керамике Северной Европы показывает присутствие и часто преобладание водных биомаркеров (Pääkkönen et al. 2016; Oras et al. 2017), по результатам некоторых исследований на отдельных территориях объем обработки продуктов эксплуатации водных ресурсов в глиняной посуде возрастает лишь столетия спустя после появления первой керамики (Piezonka et al. 2016; Mökkönen, Nordqvist 2019).

Освоение керамики могло быть обусловлено также и «нефункциональными» причинами, связанными с различными социальными и ритуальными аспектами (Hayden 1998). В Северо-Восточной Европе можно обнаружить и свидетельства многообразия смыслов, которые придавались керамике (Herva et al. 2014; 2017). Например керамический материал (в основном типа Сперрингс 1 и, в небольшом количестве, Сярайсьниemi 1), полученный при раскопках памятника Таиниаро в Юго-Западной Лапландии, представлен (в дополнение к одному сосуду, разбившемуся на месте) в основном фрагментами венчиков от отдельных сосудов. Иными словами, на этом памятнике, исследованном на значительной площади, керамика никогда не была представлена в большом количестве и даже целыми сосудами (Nordqvist 2018: 94–97).

Существенная разница в количестве ранней керамики, представленной на разных памятниках, конечно же, может быть связана с характером этих памятников, а также с тем, какая функциональная зона памятника была исследована раскопками и на какой площади. Это не означает, что причины, по которым осваивались навыки изготовления керамики, были повсюду одинаковы, поскольку даже в одном коллективе использование и значение керамики могло различаться в зависимости

от контекста — «ритуальное» использование не исключает «практического» (Haaland 2009: 195–201). Значительная площадь рассматриваемой территории и представленное на ней природное и социокультурное разнообразие позволяют предположить наличие нескольких мотивов освоения керамики, и не все они могут быть очевидны и понятны для современных исследователей.

Типичная гребенчато-ямочная керамика (начало IV тыс. до н. э.)

Распространение типичной гребенчато-ямочной керамики является одним из немногих этапов неолита, уверенно связываемых с миграцией — местному населению в большинстве случаев отводится второстепенная роль (Meinander 1984: 35–36; Carpelan 1999: 258–259; Витенкова 2002: 159). Изучение 14 контекстов из восьми археологических памятников в регионе древнего оз. Саймаа в Восточной Финляндии (Mökkönen, Nordqvist 2016; Mökkönen et al. 2017a) показало, что появление типичной гребенчатой керамики в действительности было результатом сложного процесса, в который были вовлечены как иммигранты, так и коренное население.

В южной части региона оз. Саймаа типичная гребенчато-ямочная керамика появляется быстро в результате миграции, в то время как в северной части озерной системы она распространяется медленнее, в ходе проникновения небольшого числа пришлых людей и распространения новых представлений в среде местных носителей традиции ранненеолитической асбестовой керамики.

Показателями такого развития в южной части являются новые элементы материальной культуры: неизвестные ранее здесь формы керамики и технологии расщепления (площадочное скалывание и получение бифасиальных форм), используемые для обработки импортируемого в изобилии кремня, а также высококачественных разновидностей местного кварца (Mökkönen et al. 2017b).

В северной части появляются гибридные формы керамики (в том числе промежуточные формы по орнаментации и использованию асбестовой примеси), в каменной индустрии продолжает доминировать биполярное расщепление кварца (кремень и местные породы хорошего качества представлены в меньшем количестве, а кремень чаще импортируется в виде готовых изделий). Радиоуглеродное датирование указывает на хронологическую разницу: на юге типичная гребенчато-ямочная керамика появляется сразу после 4000-х гг. до н. э., а на севере она представлена лишь столетием или двумя позднее (Mökkönen et al. 2017a: 185; Nordqvist 2018: Table 2).

Поскольку керамика из южной части региона оз. Саймаа демонстрирует наибольшее сходство с типичной гребенчато-ямочной керамикой с Карельского перешейка, это наиболее вероятное направление, откуда проникало новое население: кремень, природные источники которого отсутствуют в Финляндии, также мог поступать с юго-востока. В северную часть культурные влияния распространились из южной части региона оз. Саймаа. В то же время материалы демонстрируют некоторые черты (включая особенности орнаментации керамики, отдельные находки импортного каменного сырья и меди), которые указывают в направлении Олонецкого перешейка между Ладожским и Онежским озерами. Принято считать, что формирование культуры типичной гребенчато-ямочной керамики происходило где-то в озерном крае Восточной Финляндии или в Приладожье (Euroraeus-Äyräpää 1930: 183; Meinander 1984: 35; Витенкова 2002: 160), но, как показано выше, определить какую-то конкретную исходную территорию для этой традиции трудно.

Ареал распространения типичной гребенчато-ямочной керамики (рис. 1Б), и в целом (ямочно-) гребенчатой керамики, к кругу которой она принадлежит, вполне соотносится с территорией распространения известных по историческим источникам носителей финно-угорских языков и реконструируемых на основании лингвистических данных исходных языковых ареалов. Соответственно, распространение гребенчатой керамики связывалось с распространением финно-угорского населения (Carpelan 1999: 158; Кочкуркина, Косменко 2006: 10). Что касается предполагаемого соответствия между археологической культурой, этносом и языком, здесь важно отметить, что понятия, связанные с финно-уграми, в настоящей статье рассматриваются исключительно как лингвистические (и даже как анахронизмы, см.: Kallio 2006), а в материалах культуры типичной гребенчато-ямочной керамики нет ничего, что делало бы ее «финно-угорской» по умолчанию. Сходство, наблюдаемое между разными регионами, подразумевает контакты между этими территориями, но не обязательно этническую общность населения. Представляется также весьма вероятным, что в дополнение к изменениям, связанным с появлением нового населения, распространению гребенчатой керамики способствовали материальные и идеологические факторы, сформировавшие потребность в ней у местных коллективов. Показателями изменений во взаимоотношениях людей с социальным и материальным окружением являются также интенсификация связей между территориями и появление новых путей распространения сырья и готовых изделий.

Асбестовая и пористая керамика (середина IV тыс. до н. э.)

Керамика с примесью асбеста масштабно проявляется на археологической карте Северо-Восточной Европы примерно в середине IV тыс. до н. э. и во многих местах преобладает до завершения каменного века. Изготовление асбестовой керамики прекращается лишь в раннем железном веке. В литературе новые типы керамики фигурируют под многими названиями: Къерикки и Пелья (а также Юсмя, которая не рассматривается здесь в качестве отдельного типа, см.: Nordqvist 2018: 107–108) в Финляндии; Войнаволок, Залавруга, Оровнаволок и Палайгуба в Карелии (рис. 1В, 2). Исследования этих типов керамики на межрегиональном уровне практически отсутствуют, и границы реконструируемых ареалов их распространения по-прежнему четко соответствуют современным государственным границам (см.: Mökkönen, Nordqvist 2018).

Истоки этой инновации часто связывают с Восточной Финляндией, где имеются природные источники асбеста (Carpelan 1979: 13). То, как и почему асбест стали использовать в качестве примеси к керамике, в основном объясняется его технологическими свойствами. Изоляционные или термические свойства асбеста делают сосуды более прочными и также позволяют изготавливать более тонкостенную и легкую посуду (Ibid: 19). В то же время использование асбеста как примеси в керамике совпадает с увеличением разнообразия используемого природного минерального сырья (Herva et al. 2014; 2017). Таким образом, блеск и переливчатость асбеста, его структура, напоминающая перо, волокно или веточки, могли изначально привлечь внимание человека каменного века, а прочие его свойства и способы использования, возможно, были открыты немного позднее. Помимо этого в отношении асбестовой керамики среднего и позднего неолита часто упускается из виду, в особенности для финских материалов, что асбест не является единственной

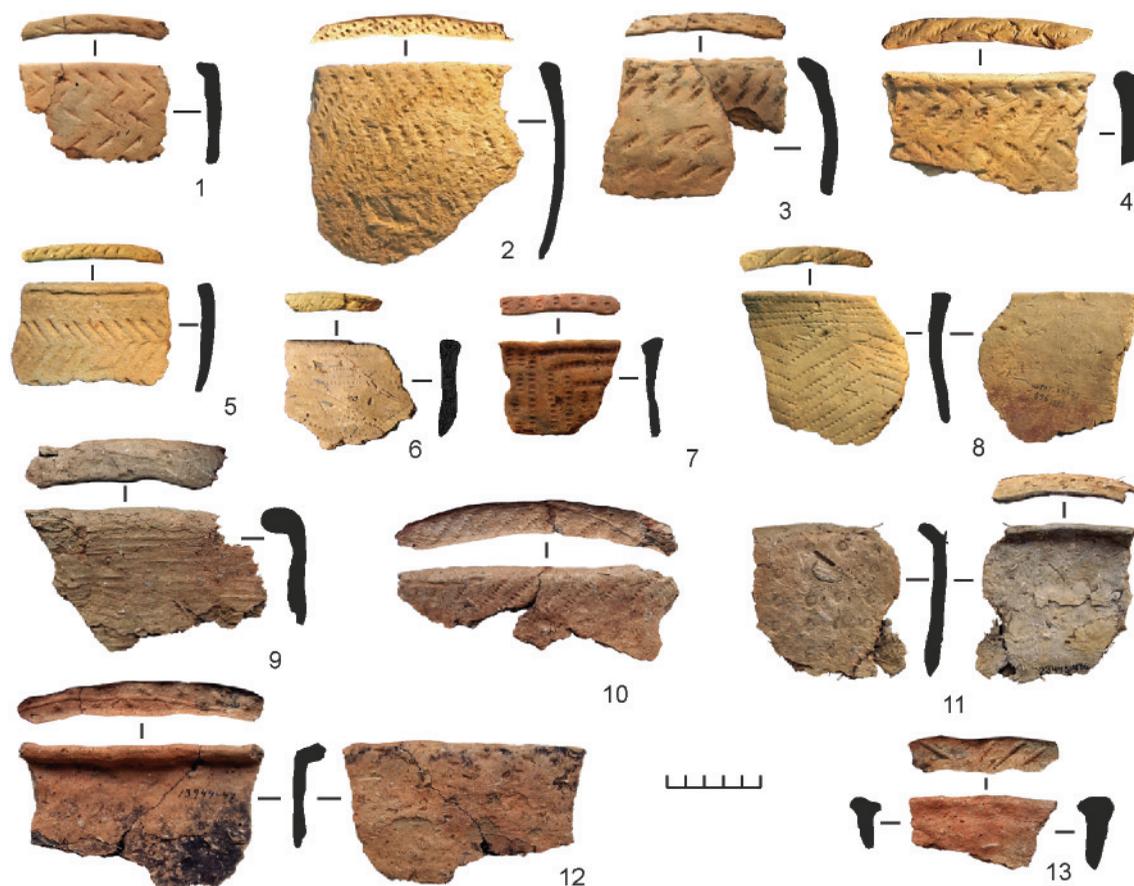

Рис. 2. Подборка так называемых средне- и поздненеолитические (согласно российской периодизации — энеолитические) типов асбестовой и пористой керамики: 1–4 — Оровनावолок; 5–8 — Палайгуба; 9–13 — Пёлья и «Юсмя». 1–2 — Берёзово XIV (ИЯЛИ 2326/214+297, 2326/194+216); 3–4 — Оровनावолок XVI (ИЯЛИ 1230/174, 1230/266); 5 — Палайгуба II (ИЯЛИ 1310/138); 6 — Лахта III (ИЯЛИ 466/1257); 7–8 — Шёлтозеро XII (ИЯЛИ 896/136, 896/392); 9 — Пёлья (КМ 8981:6); 10 — Пирсканлахти В (КМ 32004:1961); 11 — Тахинниemi (КМ 23445:476) и 12–13 — Юсмя (КМ 13944:47, 13944:16). Фото: Т. Мёккёнен; иллюстрация переработана по: Nordqvist 2018: Fig. 19

Fig. 2. A selection of the so-called Middle and Late Neolithic (in Russian periodisation, Eneolithic) asbestos- and organic-tempered wares: 1–4 — Orovnavolok; 5–8 — Palayguba; 9–13 — Pöljä and “Jysmä” types. 1–2 — Berezovo XIV (IYALI 2326/214+297, 2326/194+216); 3–4 — Orovnavolok XVI (IYALI 1230/174, 1230/266); 5 — Palayguba II (IYALI 1310/138); 6 — Lakhta III (IYALI 466/1257); 7–8 — Sheltozero XII (IYALI 896/136, 896/392); 9 — Pöljä (KM 8981:6); 10 — Pirskanlahti B (KM 32004:1961); 11 — Tahinniemi (KM 23445:476), and 12–13 — Jysmä (KM 13944:47, 13944:16). Photos: T. Mökkönen, illustration modified from Nordqvist 2018: Fig. 19

используемой примесью в формовочной массе — представлена также керамика с органической примесью (или примесью органики и асбеста). Увеличение использования органических примесей связано с дальнейшими изменениями в производстве керамики в более широком контексте.

Органические примеси (включая раковину) начинают широко использовать при изготовлении керамики в лесной зоне в первой половине IV тыс. до н. э. (Столос 1997: 229–240; Жульников 1999: 74; см. также: Carpelan 1979: 15). Это в целом

совпадает по времени с распространением волосовского культурного феномена в Верхнем и Среднем Поволжье, где использование раковин и органики в качестве примесей к керамике становится характерной особенностью (Крайнов 1987: 16). Гаринско-борская керамика, однако, также рассматривалась как возможный источник распространения традиции использования органических примесей в керамике (Стоколос 1997: 229–230). Прямое влияние волосовской традиции мало прослежено для карельской керамики (Жульников 1999: 74), и, соответственно, воздействие волосовской и одновременных ей культур весьма слабо изучено в Финляндии. Все же относительно синхронное появление керамики с асбестовой и органическими примесями (типы Къерикки, Залавруга и Войнаволок) на значительной территории незадолго либо около середины IV тыс. до н. э. указывает на межрегиональную природу этого явления. К примеру, специальное исследование комплексов с керамикой типа Къерикки (Mökkönen, Nordqvist 2018) показало большое значение связей между Южным Беломорьем и Северной Остроботнией. И хотя многие детали неизвестны, ясно, что старые системы связей с удаленными территориями были разрушены, или, точнее, реорганизованы, и распространение изделий на дальние расстояния было характерно и для этого времени. Признаков массовых миграций и смены населения на Северо-Востоке Европы в рассматриваемый период не наблюдается, и, по-видимому, изменения были вызваны появлением небольшого количества нового населения и контактами с удаленными территориями. В конечном счете археологические материалы демонстрируют дробление культур (возрождение или формирование локальных традиций): распространившаяся керамика с асбестовой и органической примесью явно принадлежит к отдельному хронологическому и технико-стилистическому горизонту, но зачастую не подлежит строгой типологизации.

Шнуровая керамика (III тыс. до н. э.)

В археологии неолита Финляндии появление культуры шнуровой керамики является, без сомнения, наиболее очевидным примером миграции, прихода нового населения с южного и юго-восточного побережья Балтийского моря на южное и западное побережье Финляндии (Edgren 1970: 62; Äyräpää 1973: 204–205) (рис. 1Г). Местному населению редко приписывалась сколь-либо существенная роль в развитии этой традиции (Luoto 1986: 19; см. также: Nordqvist 2016). Более того, шнуровая керамика Финляндии рассматривалась как традиция, отчетливо изолированная как от охотников-собирателей (носителей традиций асбестовой и пористой керамики), населявших территории, удаленные от побережья, так и от других носителей традиции шнуровой керамики на сопредельных территориях (Edgren 1970: 61; Äyräpää 1973: 199, 207; Carpelan 1999: 266). Единственное внешнее влияние связывалось с так называемой второй волной шнуровой керамики, предположительно достигшей Финляндии через Эстонию ближе к концу существования этой традиции. Но убедительных доказательств этому нет. Единственным его материальным проявлением считаются так называемые острообушные топоры. Керамика, относящаяся ко «второй волне», так и не была выявлена, хотя ее влияние было отмечено для более поздних типов керамики в Финляндии (Carpelan 1979: 15). В любом случае позднейшие исследования позволили предположить смешение традиций шнуровой керамики и керамики

других типов, начавшееся вскоре после появления шнуровой керамики в регионе (Carpelan 1999: 262; Mökkönen 2011: 62–63).

Финские исследования культуры шнуровой керамики сконцентрированы в основном на изучении, хотя и несколько однобоком, собственно глиняной посуды. Обсуждение касается главным образом кубков и кубковидных чаш с минеральной примесью, а сосуды с органической примесью практически не рассматриваются в контексте данной традиции (Edgren 1970: 33). Однако изучение ряда коллекций (Nordqvist 2016) показало, что шнуровая керамика с органической примесью представлена на южном побережье Финляндии и на Карельском перешейке. Эта керамика схожа с так называемой эстонской (или поздней) шнуровой керамикой и показывает, что в восточной части Финского залива происходило некое культурное взаимодействие. Упомянутые выше острообушные топоры хорошо вписываются в этот контекст. Несмотря на то что на территории Финляндии находок этих топоров больше, чем в Эстонии, они рассматривались прежде как признак влияния, исходящего с южных территорий. В свете новых данных эти топоры скорее могут расцениваться в качестве свидетельств интенсивных двусторонних контактов через залив, что подтверждается также и недавно полученными результатами геохимического анализа фрагментов шнуровой керамики (Holmqvist et al. 2018).

Присутствие шнуровой керамики было зафиксировано и на Карельском перешейке, хотя эта территория рассматривалась как периферия «финской группы» (Äyglä 1973: 207). Тем не менее выявление здесь шнуровой керамики с органической примесью показывает, что данная традиция на перешейке была распространена шире, чем представлялось ранее. Чрезмерно строгий подход к пониманию того, что есть культура, и жесткость заданных критериев в определении принадлежности к культуре шнуровой керамики привели к тому, что часть материала осталась вне поля зрения исследователей. Более того, Карельский перешеек представляется теперь не просто удаленной частью ареала финской шнуровой керамики, а территорией, обладающей собственной культурной спецификой. Регион Финского залива также является примером того, как современные политические границы проявляются в реконструируемой картине прошлого, — здесь не было определенных «национальных» групп населения, а проживало несколько сообществ носителей этой традиции, постоянно взаимодействовавших между собой. Различия в материальной культуре не обязательно указывают на культурную раздробленность или изоляцию, но, возможно, на разные истоки и пути формирования локальных культурных вариантов.

Обсуждение: взаимоотношения Востока и Запада и доистория Северо-Восточной Европы

Граница, проходящая по Северо-Восточной Европе, разделила и археологию. Она определила, «что можно исследовать», поскольку ограничила круг доступных для изучения материалов, и «что нужно исследовать», разделив понимание того, каковы основные вопросы и задачи науки. Граница препятствовала всестороннему изучению многих доисторических феноменов и ограничивала понимание межрегиональной культурной вариативности и взаимодействия. Помимо этого, из-за различий в терминологии и классификациях, выработанных разными научными школами, возникли искусственные различия в описаниях материала (см.: Nordqvist

2018: Chapter 3). В результате культурно-хронологические рамки исследований преистории часто — даже в 2010-х гг. — определяются современными административными границами, либо исследования сосредоточены на отдельных памятниках или микрорегионах. Было предпринято лишь несколько попыток межрегиональных исследований, направленных на объединение с современных теоретических и методологических позиций результатов, полученных в Финляндии и в России.

Существующие представления о связях между разными территориями в каменном веке обусловлены двумя основными факторами: тем, каковы были эти связи в действительности в доисторическое время, и тем, как связаны эти территории в настоящее время. При изучении археологии Северо-Запада России территория современной Финляндии никогда не упускалась из виду, однако особого значения ей не придавалось. Финские территории представляются местом, откуда происходили некоторые инновации и типы артефактов, и часто рассматриваются как часть одного культурного ареала с Северо-Западом России. Нужно все же отметить, что типология керамики Аарне Европеуса (Айряпяя) является важнейшим непосредственным вкладом финской археологии в изучение каменного века Карелии (Euro-raeus-Äyräpää 1930).

Для представлений о каменном веке Финляндии с начала его изучения характерно деление на восточный и западный культурные ареалы. Присутствие и влияние восточных культур никогда не отрицалось, но их значение и потенциал так и не были полноценно изучены. Более того, во многих случаях эти культуры рассматривались лишь как архаичный фон для социокультурных процессов, разворачивавшихся на других территориях, и, в конечном счете, сопредельные территории воспринимались через закостеневшие стереотипы, сформировавшиеся еще на ранних стадиях археологического изучения региона (то же, впрочем, справедливо и в отношении российского восприятия финской археологии). Если контакты между территориями и обсуждались, то рассмотрение их происходило лишь на очень поверхностном уровне. В основном предполагалось, что эти контакты были основаны на системе экзогамных связей между семейными или родственными группами. В действительности передвижения и мобильность человеческих коллективов остается по большей части неизученной темой для рассматриваемой территории (рис. 3).

Как видно из истории археологических исследований (см.: Nordqvist 2018: Chapter 2), общего дискурса в археологии Финляндии и Северо-Запада России не было никогда. В конце XIX — начале XX в., когда финские и российские археологи поддерживали тесные контакты, Северо-Запад России оставался практически неизученным в археологическом отношении. А когда в 1920–1930-х гг. развернулись археологические исследования в Карелии, контакты эти уже были прекращены по политическим причинам. После Второй мировой войны в соответствии с «духом времени» в обеих странах приветствовалось в большей степени исследование национальной проблематики, в том числе и в археологии, если не считать некоторых форм сотрудничества, организованных на государственном уровне (Kirpichnikov et al. 2016). И хотя исследовательские задачи теперь более не определяются государственной политикой, археологические источники с территории соседнего государства все еще крайне редко используются в современных исследованиях.

Kivikaudella ihmiset valitsivat asuinpaikkansa mieluummin kalavesien rannoilta, päivänpaisteisilta rantahietkoilta. Asumuksena oli helposti siirrettävä kota, sillä asuinpaikkoja jouduttiin vaihtamaan varsin usein.

Рис. 3. «В каменном веке люди выбирали места своих поселений по возможности ближе к рыбным местам, на солнечных песчаных пляжах. Жилищами служили легко передвигаемые хижины, так как людям приходилось часто менять места поселений» (по: Jaatinen, Kuosa 1957: 1). Хотя общества охотников-собирателей каменного века часто описываются как мобильные, в действительности передвижения и мобильность остаются в значительной степени неизученной темой в археологии Северо-Восточной Европы

Fig. 3. “During the Stone Age, people placed their settlement sites preferably by the fishing waters, on the sunlit sandy beaches. The dwellings were easily movable huts, as people had to change the locations of settlement often” (after Jaatinen, Kuosa 1957: 1). Even if Stone Age hunter-fisher-gatherer societies are often described as mobile, in reality, the study of movement and mobility remains a largely unexplored field in North-Eastern Europe

Представленные примеры изучения конкретных археологических материалов показывают, что в Северо-Восточной Европе в неолите существовали многочисленные зоны контактов. Формирование этих зон и путей контактов было обусловлено географическими причинами, однако на изменения в направленности и интенсивности контактов на протяжении веков и тысячелетий влияли социальные и иные факторы. Рассмотренные выше контактные зоны являются, однако, только примерами. При обращении к другим материалам может быть выделено множество других контактных зон.

Литература

- Брюсов 1952 — Брюсов А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 259 с.
- Витенкова 1996 — Витенкова И. Ф. Культура сперрингс // Косменко М. Г., Кочкуркина С. И. (ред.). Археология Карелии. Петрозаводск: Изд-во КНЦ РАН, 1996. С. 65–81.
- Витенкова 2002 — Витенкова И. Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск: Изд-во КНЦ РАН, 2002. 180 с.
- Жульников 1999 — Жульников А. М. Энеолит Карелии. Петрозаводск: Изд-во КНЦ РАН, 1999. 98 с.

- Кочкуркина, Косменко 2006 — *Кочкуркина С. И., Косменко М. Г.* Введение // Кочкуркина С. И., Косменко М. Г. (ред.). Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит–средневековье). Петрозаводск: Изд-во КНЦ РАН, 2006. С. 4–13.
- Крайнов 1987 — *Крайнов Д. А.* Волосовская культура // Бадер О. Н., Крайнов Д. А., Косарев М. Ф. (ред.). Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 10–28 (Археология СССР).
- Ошибкина 1996 — *Ошибкина С. В.* Понятие о неолите // Ошибкина С. В. (ред.). Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 6–9 (Археология СССР).
- Стоколос 1997 — *Стоколос В. С.* Энеолит // Савельева Э. А. (ред.). Археология республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 213–245.
- Äyräpää 1956 — *Äyräpää A.* Den yngre stenålderns kronologi i Finland och Sverige // Finskt Museum. 1956. Vol. 62 (1955). P. 5–52.
- Äyräpää 1973 — *Äyräpää A.* Båtyxkulturen i Finland // Meinander C. F., Schauman M. (toim.). Opera selecta Aarne Äyräpää. Helsinki: Helsingin yliopisto, 1973. S. 195–211.
- Carpelan 1979 — *Carpelan C.* Om asbestkeramikens historia i Fennoskandien // Finskt Museum. 1979. Vol. 85 (1978). S. 5–25.
- Carpelan 1999 — *Carpelan C.* Käännekohtia Suomen esihistoriassa aikavälillä 5100...1000 eKr. // Fågelberg P. (toim.). Pohjan poluilla: suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan. Helsinki: Suomen Tiedeseura, 1999. S. 249–280.
- Edgren 1970 — *Edgren T.* Studier över den snörkeramiska kulturens keramik i Finland. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1970. 118 s.
- Europaeus-Äyräpää 1930 — *Europaeus-Äyräpää A.* Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland I–II // Acta Archaeologica. 1930. Vol. 1. S. 165–190, 205–220.
- Haaland 2009 — *Haaland R.* Aquatic Resource Utilization and the Emergence of Pottery during the Late Palaeolithic and Mesolithic: A Global Perspective from the Nile to China // Oestigaard T. (ed.). Water, Culture and Identity: Comparing Past and Present Traditions in the Nile Basin Region. Bergen: BRIC Press, 2009. P. 183–206.
- Hayden 1998 — *Hayden B.* Practical and Prestige Technologies: The Evolution of Material Systems // Journal of Archaeological Method and Theory. 1998. Vol. 5 (1). P. 1–55.
- Herva et al. 2014 — *Herva V.-P., Nordqvist K., Lahelma A., Ikäheimo J.* Cultivation of Perception and the Emergence of the Neolithic World // Norwegian Archaeological Review. 2014. Vol. 47 (2). P. 141–160.
- Herva et al. 2017 — *Herva V.-P., Mökkönen T., Nordqvist K.* A Northern Neolithic? Clay Work, Cultivation and Cultural Transformations in the Boreal Zone of North-Eastern Europe, c. 5300–3000 BC // Oxford Journal of Archaeology. 2017. Vol. 36 (1). P. 25–41.
- Holmqvist et al. 2018 — *Holmqvist E., Larsson Å.M., Kriiska A., Palonen V., Pesonen P., Mizohata K., Kouki P., Räisänen J.* Tracing Grog and Pots to Reveal Neolithic Corded Ware Culture Contacts in the Baltic Sea Region (SEM-EDS, PIXE) // JAS. 2018. Vol. 91. P. 77–91.
- Jaatinen, Kuosa 1957 — *Jaatinen E., Kuosa T.* Suomen historia kuvina. Porvoo: WSOY, 1957. 304 s.
- Jordan et al. 2016 — *Jordan P., Gibbs K., Hommel P., Piezonka H., Silva F., Steele J.* Modelling the Diffusion of Pottery Technologies Across Afro-Eurasia: Emerging Insights and Future Research // Antiquity. 2016. Vol. 90 (351). P. 590–603.
- Kallio 2006 — *Kallio P.* Suomen kantakielten absoluuttista kronologiaa // Virittäjä. 2006. Vol. 110. S. 2–25.
- Kirpichnikov et al. 2016 — *Kirpichnikov A. N., Uino P., Nosov E. N.* Finnish-Soviet/Russian Scientific Cooperation in Archaeology: Results of the Journey 1969–2014 // Uino P., Nordqvist K.

- (eds.). *New Sites, New Methods: Proceedings of the Finnish-Russian Archaeological Symposium* (Helsinki, 19–21 November 2014). Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 2016. P. 9–23 (Iskos. 21).
- Luoto 1986 — *Luoto J.* Problem inom Finlands mellanneolitikum // *Finskt Museum*. 1986. Vol. 93 (1986). S. 9–21.
- Meinander 1984 — *Meinander C. F.* Kivikautemme väestöhistoria // Åström S.-E. (ed.). *Suomen väestön esihistorialliset juuret: Tvärminnen symposiumi 17–19.1.1980*. Helsinki: Suomen Tiedeseura, 1984. S. 21–48.
- Mökkönen 2011 — *Mökkönen T.* Studies on Stone Age Housepits in Fennoscandia (4000–2000 cal BC): Changes in Ground Plan, Site Location and Degree of Sedentism. Helsinki: T. Mökkönen, 2011. 86 p.
- Mökkönen, Nordqvist 2016 — *Mökkönen T., Nordqvist K.* Quantifying Mineral Raw Materials in Neolithic Knapped Tool Production in the Lake Saimaa Area, Finnish Inland // Uino P., Nordqvist K. (eds.). *New Sites, New Methods: Proceedings of the Finnish-Russian Archaeological Symposium* (Helsinki, 19–21 November 2014). Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 2016. P. 41–58.
- Mökkönen, Nordqvist 2018 — *Mökkönen T., Nordqvist K.* Kierikki Ware and the Contemporary Neolithic Asbestos- and Organic-tempered Potteries in North-East Europe // *Fennoscandia archaeologica*. 2018. Vol. 34. P. 83–116.
- Mökkönen, Nordqvist 2019 — *Mökkönen T., Nordqvist K.* Bulk Stable Isotope Analyses of ¹⁴C Dated Carbonized Crusts on the Earliest Potteries of North-eastern Europe // *Radiocarbon*. 2019. Vol. 61 (3). P. 817–830.
- Mökkönen et al. 2017a — *Mökkönen T., Nordqvist K., Herva V.-P.* Changes in Neolithic Lithic Raw Materials in Eastern Finland: Indications of Changing Contact Networks // Герасимов Д. В. (ред.). *Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене: Доклады МНК, посвящ. 70-летию со дня рождения В. И. Тимофеева* (Санкт-Петербург, 26–28 апреля 2017 г.). СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 181–186.
- Mökkönen et al. 2017b — *Mökkönen T., Herva V.-P., Nordqvist K.* Beneath the Surface of the World: High-quality Quartzes, Crystal Cavities, and Neolithization in Circumpolar Europe // *Arctic Anthropology*. 2017. Vol. 54 (2). P. 1–28.
- Nordqvist 2016 — *Nordqvist K.* From Separation to Interaction: Corded Ware in the Eastern Gulf of Finland // *Acta Archaeologica*. 2016. Vol. 87 (1). P. 49–84.
- Nordqvist 2018 — *Nordqvist K.* The Stone Age of North-Eastern Europe 5500–1800 calBC. Bridging the Gap Between the East and the West. Oulu: University of Oulu, 2018. 164 p.
- Nordqvist, Mökkönen 2016 — *Nordqvist, K., Mökkönen T.* New Radiocarbon Dates for Early Pottery in North-Eastern Europe // Лозовская О., Мазуркевич А., Долбунова Е. (ред.). *Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: Материалы МНК* (Санкт-Петербург, 24–27 мая 2016 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 204–214.
- Núñez 1990 — *Núñez M.* On Subneolithic Pottery and its Adoption in Late Mesolithic Finland // *Fennoscandia archaeologica*. 1990. Vol. 7. P. 27–52.
- Oras et al. 2017 — *Oras E., Lucquin A., Lõugas L., Tõrv M., Kriiska A., Craig O. E.* The Adoption of Pottery by North-East European Hunter-gatherers: Evidence from Lipid Residue Analysis // *JAS*. 2017. Vol. 78. P. 112–119.
- Pääkkönen et al. 2016 — *Pääkkönen M., Bläuer A., Evershed R. P., Asplund H.* Reconstructing Food Procurement and Processing in Early Comb Ware Period Through Organic Residues in Early Comb and Jäkärä Ware Pottery // *Fennoscandia archaeologica*. 2016. Vol. 33. P. 57–75.

- Piezonka 2015 — *Piezonka H.* Jäger, Fischer, Töpfer: Wildbeutergruppen mit früher Keramik in Nordosteuropa im 6. und 5. Jahrtausend v. Chr. Bonn: Habelt, 2015. 437 S.
- Piezonka et al. 2016 — *Piezonka H., Meadows J., Hartz S., Kostyleva E., Nedomolkina N., Ivanishcheva M., Kosorukova N., Terberger T.* Stone Age Pottery Chronology in the Northeast European Forest Zone: New AMS and EA-IRMS Results on Foodcrusts // *Radiocarbon*. 2016. Vol. 58 (2). P. 267–289.

CONTACTS AND THE NEOLITHIC ARCHAEOLOGY OF NORTH-EASTERN EUROPE

K. NORDQVIST

Keywords: *archaeology, chronology, contacts, Finland, material culture, Neolithic, north-west Russia, pottery, research history.*

This paper discusses the role the borders and different research traditions have had in the formation of archaeological views and narratives. It focuses on the Neolithic Stone Age (ca. 5500–1800 calBC) of Finland and the Karelian Republic (Russia), and uses four case studies to discuss different aspects of Neolithic development, as well as how restrictions and stimuli coming from outside (and inside) the archaeological community affect the image created of prehistory, especially of the contacts and interaction between different regions. The case studies include the following topics: the appearance of pottery (Sperrings 1 and Säräisniemi 1 Wares, the late 6th and early 5th millennia calBC), Typical Comb Ware (the early 4th millennium calBC), the asbestos- and organic-tempered wares (the mid-4th millennium calBC) and Corded Ware (the 3rd millennium calBC) (Fig. 1). As a conclusion, North-Eastern Europe can be presented as an example of how artificial divisions can appear into prehistory due to modern factors affecting the research. The petrified and stereotyped images of the neighboring areas do not fit the currently existing archaeological materials (Fig. 2; 3) — inter-regional comparisons show variable interaction between the areas, which needs to be studied on case-by-case-basis.